

В глазах Цинь Боцзэ его родная сестра ушла из жизни в муках.

В муках?

Разве могло быть иначе? Цинь Чаншэн, прошедшая через бесчисленные трудности, видевшая горы ужасающих тел, отчаянно борющаяся за жизнь. Та самая Цинь Чаншэн, что когда-то носила облегающее чёрное ципао с вышитыми по краям узорами магнолии, с изящным нефритовым браслетом на тонком запястье. Та самая изнеженная и горделивая барышня, что ступала за шёлковым экраном на высоких каблуках с безупречной сдержанностью. После стольких унижительных слёз, пролитых ради выживания, она всё же умерла на чужбине.

Перед смертью она не скорбела о себе. Лишь сжимая руку Цзян Чжунсюэ, тихо плакала и снова, и снова просила: забудь меня, не продолжай бесконечно страдать.

Она ушла в муках.

Цзян Чжунсюэ брела вниз по склону, словно в тумане.

Перепрыгнув через откос и откинув занавеску, она увидела, как Цинь Чаншэн вешает одежду. Та, заметив вошедшую, вздрогнула, затем хлопнула себя по груди с выражением испуга и удивлённо спросила:

— Как это ты вернулась?

Слова звучали так, будто это было её владение. Осознав это, Цинь Чаншэн тут же добавила:

— Разве ты не уходишь по вечерам? Почему сегодня вернулась?

Цзян Чжунсюэ смотрела на неё в растерянности, но лишь мгновение. Затем её лицо вновь стало спокойным, а мимолетная потерянность исчезла так быстро, что показалось — это был обман зрения.

Она, успокоившись, покачала головой:

— Боюсь, Юй Инь снова придёт к тебе с неприятностями. Сегодня не уйду.

Цинь Чаншэн промычала что-то в ответ. Вспомнив слова Цзян Чжунсюэ, она осталась недовольна и лишь показала, что поняла. Затем, без особого энтузиазма, откинула занавеску и собралась спать.

Цзян Чжунсюэ молча последовала за ней в комнату. Цинь Чаншэн с удивлением посмотрела на неё:

— Ты тоже собираешься спать?

Цзян Чжунсюэ на мгновение заколебалась, но затем покачала головой. Цинь Чаншэн похлопала по кровати, словно с лёгким раздражением:

— Если не со мной, то где? Ладно, забирайся. Я помню, что ты говорила сегодня. Не собираюсь с тобой связываться, но пока мы всё ещё в одной лодке — должны заботиться друг о друге. Не волнуйся, через несколько дней, разберёмся с делом Юй Инь, и если захочешь меня увидеть, придётся запрашивать разрешение у семьи Цинь.

Цзян Чжунсюэ молча смотрела, как та забирается на кровать и ложится. Спустя время

спросила:

— Твои раны зажили?

Цинь Чаншэн, решив, что та испытывает чувство вины, с удивлением посмотрела на неё, слегка приподнявшись из-под одеяла:

— А? О ранах? Уже гораздо лучше.

Но её умиление оказалось напрасным. Цзян Чжунсюэ лишь спокойно сказала:

— Хорошо. Раз зажили, завтра отправимся на Обрыв. Монстр пришёл с горы Цзи — значит, способ его одолеть должен быть на вершине.

Цинь Чаншэн разочарованно промычала, чувствуя досаду. Она думала, что Цзян Чжунсюэ проявила сострадание, но, похоже, снова сама себе нафантазировала.

Рядом раздался лёгкий шорох — Цзян Чжунсюэ, видимо, раздевалась. Цинь Чаншэн отвернулась к стене, свернувшись калачиком. Но чем больше думала, тем больше злилась и, не сдержавшись, пробормотала:

— Не пойду. Сегодня упала, рана на ноге раскрылась. Завтра на гору Цзи не смогу.

Одеяло слегка приподнялось — Цзян Чжунсюэ легла. Цинь Чаншэн, лежа спиной к ней, злилась всё сильнее. Не дождавшись ответа, обернулась с раздражением:

— Я же сказала, у меня рана на ноге, я...

Цзян Чжунсюэ уже лежала рядом, оставив между ними полметра, и плотно укрылась одеялом.

При свете лампы она закрыла глаза. Цинь Чаншэн, полусидя, смотрела на неё. Казалось, Цзян Чжунсюэ почувствовала этот недовольный взгляд, но, не открывая глаз, просто прервала:

— Спи. Всё обсудим завтра.

Цинь Чаншэн закатила глаза, легла обратно, сердито дёрнула одеяло, свернулась к стене и выключила свет.

В темноте глаза Цзян Чжунсюэ тихо открылись.

Она посмотрела в сторону. Цинь Чаншэн сначала ворчала, но вскоре, поддавшись сну, затихла.

Слушая её ровное дыхание, Цзян Чжунсюэ слегка повернулась в её сторону.

Но, сделав лишь небольшое движение, замерла. Закрыла глаза и, пролежав так некоторое время, снова отодвинулась, восстановив расстояние.

Если бы они никогда не любили друг друга...

Тогда, возможно, в момент, когда сработает проклятие и Цинь Чаншэн будет умирать в муках, она не станет плакать, говоря, что хочет жить вместе с ней.

Не станет просить: забудь меня.

Рано утром Цинь Чаншэн проснулась.

Цзян Чжунсюэ уже не было на кровати. Цинь Чаншэн подняла голову — на улице только начинало светать, и она тут же усомнилась, спала ли та вообще. Рябой Ван всё ещё храпел в гостевой, и тонкая занавеска не могла заглушить этот грохот.

Она умылась и, подняв взгляд, увидела, что Цзян Чжунсюэ уже одета и готова к выходу. Заметив, что Цинь Чаншэн встала, та лишь молча кивнула, веля поторопиться и собраться для восхождения.

Цинь Чаншэн, закончив умываться, сначала осмотрела свою рану, обработала йодом и, увидев, что с вчерашнего дня она уже зажила, спросила:

— Где твой телефон?

Цзян Чжунсюэ протянула аппарат, не спрашивая, зачем. Цинь Чаншэн взяла его и быстро набрала номер.

Она поднесла трубку к уху, но, к удивлению, сегодня её брат Цинь Шифэн не ответил. Набрал ещё раз, услышала лишь долгие гудки, после чего положила трубку и решительно сказала:

— Пойдём.

В глубине души она всё же удивилась. Цинь Шифэн был занятым человеком, не из тех, кто оставляет телефон без внимания. Хотя было ещё рано, судя по его обычному распорядку, он уже должен был встать.

Даже если бы не встал, кто-то из помощников должен был ответить. Столь долгое отсутствие ответа Цинь Чаншэн наблюдала впервые.

Цзян Чжунсюэ шла впереди, а Цинь Чаншэн следовала за ней, поднимаясь на Обрыв. По пути Цзян Чжунсюэ осматривала местность, словно обдумывая что-то, и тихо сказала:

— С тех пор как вчера пришла Юй Инь, жители деревни, кажется, насторожились. Вчера, когда ты ушла с ней, в деревне почти никто не появлялся, и никто не видел, куда вы направились. Сегодня деревня также тиха, словно вымерла.

Цинь Чаншэн кивнула. Она уже догадалась: раз Юй Инь осмелилась открыто прийти, значит, вчера вечером никто из деревенских не появился бы, чтобы помешать её планам. Как она этого добилась — оставалось загадкой.

Обрыв на задней горе издали выглядел как крутая каменная стена, пересекающая долину. Верхняя часть была покрыта густым лесом, а на середине склона не росло ни дерева. Каменная стена была гладкой, и в центре зиял открытый участок, словно расколотый топором, напоминающий белую кожу, поражённую болезнью.

Цинь Чаншэн следовала за Цзян Чжунсюэ вверх. Ветви и кустарники переплетались, путь давался с трудом. Цзян Чжунсюэ, казалось, не обращала на это внимания, но Цинь Чаншэн, пыхтя и стиснув зубы, едва поспевала.

Добравшись до середины склона, они увидели, что тропа внезапно оборвалась. Впереди путь словно отрезали ножом, и на обрыве не осталось ничего, что могло бы служить опорой. Лишь несколько выступающих камней цеплялись за стену.

Цинь Чаншэн, согнувшись и опираясь на колени, тяжело дышала. Цзян Чжунсюэ оглянулась на неё и указала на Обрыв:

— Если хочешь подняться выше, придётся пройти здесь.

Впереди расстилалась огромная белая каменная стена, гладкая, с редкими небольшими выступами, которые тянулись вперёд по неровной линии.

<http://bllate.org/book/16269/1464313>